

Р.С. ГРИНБЕРГ

член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН

ЭКОНОМИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье анализируется природа высокой социальной цены рыночных преобразований и причины периодического соскальзывания отечественной экономики в кризисы. Исследованы основные показатели экономического развития РФ за почти четверть века реформ. Автором сделан вывод о том, что праволиберальный радикальный вариант трансформации оказался несостоятелен. Требуется новое понимание реалий и переосмысление модели текущей экономической политики. Обосновывается актуальность Концепции экономической социодинамики как альтернативы идеологии рыночного фундаментализма.

Ключевые слова: *социально-экономическая система, системная трансформация, импортозамещение, экономическая социодинамика.*

JEL: A130, H400, O100.

Россия все еще находится в суровых условиях перехода от одной социально-экономической системы к другой, и, судя по всему, он завершится не завтра. К тому же это переход к «нормальности», которой не было. Тем не менее сохраняются шансы на движение страны к гражданскому обществу, плюралистической демократии и социальному рыночному хозяйству при всех задержках и даже откатах (что, похоже, происходит сегодня). Главное – уметь извлечь уроки из прошлого и не делать новых ошибок.

Справедливости ради надо выделить ряд положительных итогов состоявшихся преобразований. Их очевидный успех состоит в том, что преодолена изолированность страны от внешнего мира и демонтированы механизмы командной экономики и внешнеторговой монополии. В результате исчез униженный дефицит товаров и услуг, значительно расширился их ассортимент. С прекращением идеологической войны с «вещизмом» восстановлено право людей на «уют». Раскрепощена ранее скованная личная инициатива. Растет зрелость предпринимательского класса, призванного сформировать основу благополучия страны. Население стремительно изживает исторически приобретенные иждивенческие комплексы. Вопреки разного рода предсказаниям, россияне достаточно быстро усвоили «рыночный»

образ мысли и действия. Устранена типичная для советского строя уравнительность в личных доходах, и виден осязаемый прогресс в дисциплине и этике труда: есть смысл зарабатывать деньги, раз появилась возможность беспрепятственно обменивать их на ранее недоступные товары и услуги.

После 70 лет господства административно-директивной экономической системы в стране были достаточно быстро созданы и начали функционировать формальные институты рыночной экономики – коммерческие банки, товарные и фондовые рынки, валютные биржи, качественно новые налоговые механизмы, правила антимонопольного регулирования.

И все же результаты рыночных преобразований с отрицательным знаком более зримы и очевидны. Они явно преобладают над успехами. И дело здесь не только в том, что за годы реформ страна утратила половину своего экономического потенциала. Хуже то, что пока не удастся приостановить процессы примитивизации производства, деинтеллектуализации труда и деградации социальной сферы. Сюда же надо отнести появление массовой бедности, масштабы которой за годы радикальных перемен стремительно увеличивались за счет размывания сложившегося в СССР, пусть не слишком богатого по западным критериям среднего класса.

Исследование материальных возможностей российских домохозяйств свидетельствует о том, что плодами проведенных преобразований реально пользуется не больше четверти населения страны, а половина ее жителей ведет борьбу за существование более суровую, чем в советские времена. Поляризация личных доходов носит действительно скандальный характер. По данным аналитиков банка Credit Suisse, владельцами более трети всего богатства отечественных домохозяйств являются 110 человек¹.

Нельзя, конечно, забывать, что на результативность отечественных реформ продолжают влиять весьма мощные объективные факторы, затрудняющие системную трансформацию в России в большей степени, чем у партнеров по бывшему СЭВ. Так, в странах Центральной и Восточной Европы социалистическое бытие было навязано извне и длилось 40 лет, а в России социализм господствовал более 70 лет и был, так сказать, целиком отечественным, а не «импортированным продуктом». Надо также иметь в виду, что, в отличие от стран ЦВЕ, перед российскими реформаторами стояла задача проведения системной трансформации при стремительном распаде ранее единого государства.

Суперцентрализованная система экономики и полиэтничность населения бывшего СССР в условиях демократизации общественной

---

¹ Российская газета. 2013. 11 окт.

жизни существенно облегчили реализацию идей национально-хозяйственного сепаратизма, который, как правило, игнорирует резоны экономической целесообразности. Каковы бы ни были надежды лидеров новых независимых государств (избавимся от «грабительского» центра и легче будет проводить реформы), действительность показала, что разрыв единого экономического пространства затруднил, а не облегчил каждой суверенной республике бывшего СССР переход к рыночной экономике. И Россия отнюдь не стала здесь исключением. Наконец, на старте реформ серьезным испытанием для перестройки экономики России стало лежащее на ней огромное бремя гипертрофированного военно-промышленного комплекса.

Тем не менее можно уверенно утверждать, что разочаровывающие итоги системной трансформации в России в первую очередь рукотворны и только во вторую – предопределены специфическими неблагоприятными стартовыми условиями.

Опираясь на постулаты неоклассической ортодоксии, реформаторы считали, что предлагаемый ими радикальный вариант трансформации даст быстрый и устойчивый рост эффективности. Но реалии оказались иными.

Рассмотрим важнейшие показатели экономического развития РФ за почти четверть века реформ (см. табл. 1).

Из приведенных в таблице 1 данных видно, что по важнейшим социально-экономическим показателям за почти 25-летний период не достигнут уровень даже 1990 г. При этом на протяжении всех этих лет наблюдалась тенденция примитивизации российской экономики. Иначе говоря, имело место снижение качества экономической динамики независимо от того, была ли она отрицательной (как в 1990-е годы) или положительной (как в «тучные» нулевые годы).

Качественное развитие экономики, как известно, зависит от технико-технологического оснащения промышленного производства, определяющего место в ее структуре высокотехнологичного сектора (совокупность авиационной, радиотехнической, средств связи, электронной, ракетно-космической, оборонной отраслей) и его ядра – машиностроения, достигающего в развитых странах 30–50% в структуре промышленного производства. Как же выглядела Россия на этом фоне?

Из таблицы 2 следует, что структура промышленного производства в РФ приобрела за годы реформ очевидную сырьевую направленность. Почти в 3 раза увеличился удельный вес топливно-энергетического комплекса в общем объеме промышленного производства, в 2 раза сократилась доля инвестиционного комплекса. Так, удельный вес машиностроения и металлообработки в промышленном производстве составлял в 2013 г. только 14%, что в 3–4 раза меньше, чем в развитых странах.

Таблица 1

Динамика промышленной и сельскохозяйственной продукции, инвестиций в основной капитал и реальных доходов населения России (в % к 1990 г.)

	1993	1995	1998	2000	2005	2008	2009	2010	2013	2015*
Производство промышленной продукции	64,9	49,7	46,2	54,2	72,7	83,0	74,1	79,5	86,7	89,0
Производство продукции сельского хозяйства	82,7	67,0	56,0	61,9	71,2	84,1	85,3	75,7	94,1	98,4
Инвестиции в основной капитал	44,9	30,7	21,0	25,9	42,5	67,9	58,7	62,4	73,7	73,6
Реальные (располагаемые) доходы населения	51,1	40,0	32,8 (1999)	36,7	63,5	82,7	85,3	90,3	98,0	99,8

* данные Прогноза социально-экономического развития РФ на 2015 г. и на плановый период 2016–2017 гг.

Рассчитано по: Российский статистический ежегодник. 2000. С. 57; Российский статистический ежегодник. 2002. С. 37, 38; Россия в цифрах. 2014. С. 40–42.

Таблица 2

Структура промышленного производства России (в % к итогу)

Отрасли промышленности	1990	1995	2000	2005	2008	2013
Объем промышленного производства, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Электроэнергетика и топливная промышленность	10,4	25,6	25,4	26,8	25,0	28,7
Черная и цветная металлургия	10,3	13,9	15,8	13,9	13,3	9,5
Химическая и нефтехимическая промышленность	6,9	7,1	6,2	6,4	7,0	6,4
Машиностроение и металлообработка	28,0	16,0	16,4	13,0	13,8	14,0
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	5,2	4,6	4,0	3,4	3,3	2,6
Промышленность строительных материалов	3,4	4,3	2,4	3,1	4,1	2,9
Легкая промышленность	11,0	2,2	1,4	0,8	0,7	0,7
Пищевая промышленность	12,1	10,6	11,1	10,9	10,8	10,4

Рассчитано по: Российский статистический ежегодник. 2003. С. 341, 344, 356–369, 373, 376, 379, 384, 394; Россия в цифрах. 2014. С. 240–242.

Примитивизации подверглась структура не только промышленного производства, но и внешней торговли, прежде всего экспорта. В то время как 85% товарного экспорта страны приходится на минеральные ресурсы, металл, древесину, доля в нем продукции производств, определяющих научно-технический прогресс (машиностроение и металлообработка), сократилась с 20 до 5%². Произошло существенное ухудшение качества основных фондов – базовой основы развития экономики. Их износ достиг 50%³.

При сохранении физического объема основных фондов за годы реформ в условиях беспрецедентного сокращения инвестиций в основной капитал, составивших в 2013 г. лишь 73,7% от уровня 1990 г., имело место их физическое и моральное старение, особенно активной части (см. табл. 3). В результате страна утрачивает конкурентоспособность на мировом рынке в области технологий и высокотехнологичной продукции. Доля России на мировом рынке наукоемкой продукции составляет в настоящее время менее 1% (для сравнения: США – 36%, Япония – 30%).

Таблица 3

Динамика возрастной структуры производственного оборудования в промышленности

	1980	1990	2000	2001	2002	2003	2004
% оборудования на конец года в возрасте:							
до 5 лет	35,5	29,4	4,7	5,7	6,7	7,8	8,6
свыше 20 лет	10,7	15,0	38,2	41,6	44,9	48,2	51,5
Средний возраст оборудования, лет	9,5	10,8	18,7	19,4	20,1	20,7	21,2

Источник: Российский статистический ежегодник. 2005. С. 392.

Данные таблицы 3 демонстрируют, что за 1980–1990 гг. доля производственного оборудования в промышленности со сроком службы свыше 20 лет возросла в 1,4 раза, в следующее десятилетие – более чем в 2,5 раза и в период «экономического роста» (2000–2004 гг.) – более чем в 1,3 раза, что сопоставимо с первым указанным десятилетием. Средний возраст оборудования в промышленности в настоящее время достигает четверти века⁴.

² Россия в цифрах. 2014. С. 529, 532.

³ Российский статистический ежегодник. М.: ГКС, 2003. С. 302; Россия в цифрах. 2009. С. 71; Россия в цифрах. 2014. С. 34, 74, 78.

⁴ Заметим, что с 2005 г. перестают публиковаться в общедоступных справочниках Росстата данные о возрастной структуре производственного оборудования.

Старение оборудования, с одной стороны, ведет к нарастанию числа и масштабов техногенных катастроф, с другой – к неизбежному снижению технологического уровня производства. Так, по оценкам экспертов Всемирного экономического форума, в 2004 г. Россия занимала 73-е место в мировом рейтинге по индексу технологической готовности⁵. Наши технические и технологические базы отстают от развитых стран на 17–20 лет. Последние обновления были в конце 80-х – начале 90-х годов. Согласно мнению экспертов, объем технологической продукции России на мировом рынке составляет 0,3%⁶.

Полностью деградировали обрабатывающие производства, особенно машиностроение, определяющее научно-технический прогресс в промышленности. В настоящее время в РФ в обрабатывающих видах производств (по данным Росстата на конец 2012 г.) насчитывается 405 тыс. организаций (8,3% от общего числа организаций в экономике России, причем действующих – лишь 60% от наличия) со среднегодовой численностью работников 7,6 млн чел.⁷ В 1990 г. по прежней отраслевой классификации число указанных предприятий составляло 26,9 тыс., т.е. оно возросло к 2012 г. в 9–10 раз (действующих на 1.01.2012 г.). При этом средняя численность работников сократилась вдвое (в 1990 г. – 16,4 млн чел.), а объем промышленного производства в 2012 г. (в сопоставимых ценах) по сравнению с 1990 г. – на 12,8%, в том числе производство машин и оборудования – на 46,5%, транспортных средств и оборудования – на 30,4%⁸. Произошел процесс дезинтеграции обрабатывающих производств на основе массового банкротства крупных и средних предприятий, свертывания профильного производства и сокращения численности промышленно-производственного персонала. Среднегодовая численность работников на одном действующем предприятии в 2012 г. составляла 32 человека, в то время как до реформирования – 610 человек. Оставшиеся производственные мощности обрабатывающих производств в настоящее время используются на 50%, а по ряду производств – и того меньше (например, по выпуску металлорежущих станков – лишь на 13%⁹).

Проводимые обследования предпринимательской уверенности и экономической ситуации в обрабатывающих производствах свидетельствуют, что основными факторами, ограничивающими рост

---

⁵ Экономика и жизнь. 2004. № 9. С. 6.

⁶ Российская газета. 2007. 4 дек.; 2008. 1 окт.

⁷ Россия в цифрах. 2013. С.202–203, 250.

⁸ Производство по видам продукции машиностроения в 1992–2012 гг. См: Россия в цифрах. 2011. С. 254–255, 257, 259; Россия в цифрах. 2013. С. 265, 267–268.

⁹ Россия в цифрах. 2011. С. 217; Россия в цифрах. 2013. С. 247–248.

производства, остаются неопределенность экономической ситуации в стране, невостребованность продукции на внутреннем рынке и высокий уровень налогообложения¹⁰.

Сложившийся и прогнозируемый механизм реформирования экономики «поощряет» тенденции закрепления сырьевой структуры общественного воспроизводства. Об этом наглядно свидетельствуют данные таблицы 4.

Таблица 4

**Индексы производства по видам экономической деятельности
(1991 г. = 100 %)**

	1992	1995	2000	2005	2008	2010	2013
Добыча полезных ископаемых	88,2	70,7	74,3	99,1	105,6	106,6	110,8
В том числе добыча топливно-энергетических ресурсов	94,7	77,8	80,7	111,4	117,6	120,5	123,9
Обрабатывающие производства	81,8	47,5	50,9	68,9	82,9	77,8	88,7
В том числе:							
производство машин и оборудования	84,4	38,1	32,3	44,9	63,3	48,7	53,7
производство транспортных средств и оборудования	85,3	45,0	53,1	52,7	59,7	52,0	68,7

Источник: Россия в цифрах. 2014. С. 243–244.

Инвестиции в высокотехнологический комплекс, представленный в таблице 5 машиностроением и металлообработкой, из года в год сокращаются.

Из данных, представленных в таблице 5, видно, что в структуре общих инвестиций в основной капитал доля инвестиций в развитие машиностроения и металлообработки в 1990–2013 гг. сократилась в 3,3 раза – с 8,3% в 1990 г. до 2,5% в 2013 г. При этом общие инвестиции в основной капитал в указанный период из года в год сокращались и в 2013 г. составляли лишь 73,7% к уровню 1990 г.

Сырьевая направленность российского воспроизводственного комплекса поддерживается также и сложившейся отраслевой структурой оплаты труда (см. табл. 6).

¹⁰ Россия в цифрах. 2011. С.222, 224.

Таблица 5

**Удельный вес инвестиций в машиностроение и металлообработку
(производство машин, оборудования, транспортных средств)
в общем объеме инвестиций в основной капитал**

Годы	Удельный вес, %
1990	8,3
1992	4,9
1995	3,0
1998	3,2
2000	2,8
2005	2,3
2013	2,5

Источники: Статистический ежегодник. 2003. С. 596; Россия в цифрах. 2005. С. 354; Россия в цифрах. 2014. С. 459.

Таблица 6

**Среднемесячная начисленная номинальная заработная плата
по видам экономической деятельности, в % к средней по РФ**

Виды экономической деятельности	1995	2000	2005	2010	2013
Среднемесячная начисленная заработная плата в РФ, в %	100	100	100	100	100
Добыча полезных ископаемых	225,9	267,2	230,6	190,4	181,3
Добыча топливно-энергетических ресурсов	256,5	314,2	274,2	220,8	204,8
Финансовая деятельность	159,9	235,3	262,6	239,2	212,0
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	88,1	110,5	119,7	122,3	114,4
Производство машин и оборудования	80,0	88,8	97,9	95,4	93,7
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	78,5	90,1	96,1	96,3	97,6
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	73,0	60,0	69,0	75,0	82,0
Образование	65,5	55,8	63,5	67,2	78,2
Сельское хозяйство	54,9	44,3	42,6	50,9	52,2

Рассчитано по: Россия в цифрах. 2014. С. 135–137.

В экономике России, как известно, не востребован научно-технический прогресс и недооценивается инновационное развитие, о чем свидетельствует низкий уровень внутренних затрат на исследования и разработки (1,12% в ВВП России, в развитых странах Запада в 3–4 раза выше), ничтожно низкий уровень финансирования науки из средств федерального бюджета (0,56% в ВВП против 4–6% в высокоразвитых странах)¹¹. Вследствие этого произошел полный застой в создании и в использовании передовых производственных технологий. Так, в 2000–2012 гг. в среднем за год осуществлялось не более 900 предложений по производственным технологиям, или 0,5% к общему числу применяющихся в 2012 г. технологий. При этом в России в 2012 г. из 191,4 тыс. внедряемых в производство передовых технологий 46% использовались более 6 лет¹².

Между тем в период до 1990 г. в России имелись весьма значимые научно-технические достижения и, в частности, отмечался высокий уровень изобретательства. Например, в 1987 г. было зарегистрировано 83,7 тыс. изобретений, в США – 82,9 тыс., в Японии – 62,4 тыс., в Германии – 28,7 тыс. В настоящее время со значительным отрывом лидирует Япония – до 3000 патентов в год на 1 млн жителей, затем Южная Корея – 2200, США – 650, Германия – 600, Австралия – 500. Россия отстает от США и Германии в 4 раза и от Австралии – в 3,5 раза, не говоря уже о Японии (в 18 раз) и Южной Корее (в 14 раз).

Самыми изобретательными компаниями в 2010 г. были IBM, Samsung, Microsoft, Canon, Panasonic, Toshiba, Sony, Intel и LG Electronic. Скажем, IBM ежегодно вкладывает в научно-технические исследования и инновационные разработки 6 млрд долл. В России же, к сожалению, общие инвестиции в производство машин, всех видов оборудования и транспортных средств в 2012 г. составляли примерно 9 млрд долл. В структуре инвестиций на развитие указанных видов экономической деятельности в 2012 г. приходилось лишь 2,2%¹³.

Вместе с физическим и моральным старением основных промышленных фондов, особенно техники и технологий, ухудшились все параметры человеческого потенциала. Численность населения уменьшилась с 148,2 млн человек на 1 января 1991 г. до 143,3 млн человек на 1 января 2013 г. Существенно изменилась структура численности занятых в экономике по видам экономической деятельности. Численность занятых в материальном производстве (промышленности, сельском хозяйстве) и в научной сфере за годы реформ существенно сократилась. Одновременно резко возросла доля занятых в торговле, финансах

---

¹¹ Россия в цифрах. 2014. С. 371.

¹² Россия в цифрах. 2013. С. 385–388.

¹³ Россия в цифрах. 2013. С. 469–471.

и управлении (в 2,4 раза)¹⁴. Продолжающееся падение производства в высокотехнологичных отраслях промышленности и уменьшение государственных ассигнований на развитие науки и техники привели к резкому сокращению научных кадров и, естественно, научных исследований и разработок.

Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в стране ежегодно снижается и в 2012 г. составила 47,4% от дореформенного (1992 г.) уровня (см. табл. 7).

Таблица 7

Численность занятых НИОКР в России, тыс. чел. (на конец года)

	1992 г.	2000 г.	2012 г.	2012 г. в % к 1992 г.
Численность персонала – всего	1532,6	887,7	726,3	47,4
В том числе:				
исследователи	804,0	425,9	372,6	46,3
техники	180,7	75,2	58,9	32,6

Источник: Россия в цифрах. 2014. С. 366.

Отсутствие в стране промышленной политики, господство рыночного либерализма – основные причины развала промышленного потенциала страны в целом и особенно машиностроения. Высокотехнологичный сектор экономики, ядром которого служит машиностроение, является системообразующим звеном любой экономики. От него зависит производственный потенциал страны, уровень обороноспособности и социальной устойчивости. Провозглашенная в правительственных кругах модернизация экономики, успех промышленной политики в целом зависят от возрождения отечественного машиностроения. Его развитие непосредственно связано с увеличением масштабов НИОКР и ростом объемов производства в таких наукоемких отраслях, как приборостроение, IT-технологии, радиоэлектроника, средства связи, промышленные роботы, авиакосмические комплексы и в настоящее время – нанотехнологии.

Мировой опыт и экономические расчеты показывают, что сбалансированное развитие экономики может обеспечиваться при условии, если в структуре промышленного производства на долю машиностроения будет приходиться не менее 25–30%. Расходы на наиболее перспективные инновации должны преобладать, а на разработку и

¹⁴ Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России. 2003. С. 137; Россия в цифрах. 2013. С. 104.

использование принципиально новых производственных технологий должно приходиться не менее 50–60% (в развитых странах даже 60–80%, тогда как в России 10–15%)¹⁵.

Как преодолеть деиндустриализацию

Проблема деиндустриализации экономики новой России была впервые замечена уже спустя два-три года после начала ее радикальной рыночной трансформации. Обнаружилось, что структурные перекосы в экономике позднего Советского Союза не только не исчезли в результате отмены в стране директивного планирования, но и стали усугубляться. Мы наивно надеялись на силы саморегулирования, которые «по определению» должны были бы привести структуру нашей экономики к современному виду. Но вышло, как известно, по-другому.

Отмена государственной монополии на внешнеторговые операции, свободное ценообразование, быстрая либерализация валютного режима – все это привело к тому, что исчез так мучивший советских людей унижительный товарный дефицит и резко увеличилось предложение продовольственных и потребительских товаров. Эти изменения весьма благоприятно воздействовали на потребителей. В целом тогда был сделан крен в сторону удовлетворения потребительского спроса. И успех такой операции был очевиден. Правда, при этом «забыли», что потребители должны иметь деньги, чтобы покупать ранее недоступные товары и услуги, а следовательно, должны их где-то зарабатывать. Тогда-то и начались проблемы, которые при всех успехах рыночных преобразований в стране существуют до сих пор. Брошенная в ничем не ограниченную рыночную стихию подавляющая часть советской обрабатывающей промышленности получила сокрушительный удар в виде стремительной утраты возможностей сбыта. В результате так же стремительно стала сужаться ее доля в общей хозяйственной деятельности и в России, и во всех других новоиспеченных независимых государствах.

Собственно тогда и возникла проблема, которую я называю примитивизацией структуры экономики и которая, к сожалению, стала тенденцией. Конечно, и в сегодняшней российской обрабатывающей промышленности есть отдельные замечательные успехи. Как когда-то были герои социалистического труда, так и сейчас есть герои капиталистического труда, которые занимаются серийным производством готовых изделий. Но их доля в валовом производстве скандально низкая.

Для страны, которая начиная с 1930-х и до начала 1990-х годов имела традиции мощного индустриального ландшафта, это, конечно, унижительно. Не буду вдаваться в разнообразные причины такого раз-

---

¹⁵ Россия в цифрах. 2013. С. 385–388.

вития событий, назову главную – в начале реформ нам хотелось иметь структуру, которая отвечает современным стандартам. Однако произошёл очень большой перекося в сторону сил саморегулирования, и наблюдался преднамеренный отказ от «видимой руки» государства. В результате сегодня мы вновь находимся перед выбором: либо продолжение деиндустриализации и сползание в зону «технологического захолустья», либо резкий рывок в области реиндустриализации.

Существует много разных представлений о том, как это надо делать. Если отбросить самые экзотические и экстравагантные, то «водораздел» определяется двумя школами мышления, различающимися отношением к экономической теории и практике, прежде всего к роли государства в хозяйственных процессах. Разграничение четко прослеживается по ряду позиций, и я хочу коротко их обозначить.

Первая спорная позиция – макроэкономическая стабильность, что на простом языке означает низкую инфляцию. Представители не поддерживаемой мною школы мышления постоянно призывают к тому, что она не должна превышать 3–4%. Тогда будто бы понизится стоимость кредита, начнется долгосрочное кредитование, появятся желаемые «длинные деньги» и начнется инвестиционный бум.

Другая школа мышления, к которой принадлежу и я, считает, что небольшая инфляция – весьма значимый, но не решающий фактор для того, чтобы реиндустриализация началась не только в риторике, но и на практике. Дорогие деньги – это еще не главное. Необходимо избавить и кредитора, и заемщика от страха, что средства, потраченные на производство тех или иных продуктов, не дадут желаемого результата, т.е. изготовленные товары не найдут сбыта.

Вторая спорная позиция – бездефицитный бюджет. Здоровые государственные финансы – это очень хорошо. Весь развитый мир находится сегодня в зоне турбулентности только потому, что был допущен чрезмерный дефицит бюджета. Однако, с моей точки зрения, это было неизбежно, потому что нужно было каким-то образом останавливать кризис. Иногда говорят, что увеличение государственных расходов через политику «количественного смягчения» – это «заливание пожара керосином». На самом деле это неверно. Пожар заливают все-таки водой. А вот когда случится наводнение, т.е. скачок инфляции, тогда и будем заниматься этим.

Так или иначе, добиваться бездефицитного бюджета во времена вялого частного спроса – сомнительное намерение. В такие периоды, как показывает теория и практика, вообще нет альтернативы государственным расходам, как бы мы ни относились к государству. Поэтому неверно просто стремиться к бездефицитному бюджету, которого, согласно официальным прогнозам, мы должны были бы достичь уже к 2015 г.

Третья позиция – рестриктивная денежная политика. Начиная с 1990-х годов, постоянно идет разговор о том, что она безальтернативна, поскольку сдерживает инфляцию. Если же будет инфляция, не будет никакой экономической активности. На самом деле рестриктивная денежная политика продуктивна в зрелых экономиках, где редки монополистические злоупотребления. В других случаях такая политика далеко не всегда помогает добиться низкой инфляции, что, собственно, мы и видим в России.

Четвертая позиция – курсовая политика. По-моему, даже небольшое повышение реального курса рубля вредит экономике. Подозреваю, что на самом деле за этим скрывается средство антиинфляционного характера. Кроме того, такая политика серьезно увеличивает девальвационные риски. Когда у вас инфляция 6–7%, а реальный курс национальной валюты растет, возникают большие разрывы между ее внутренней и внешней динамикой и, как следствие, увеличивается вероятность обвальной девальвации.

Следующая, пятая, позиция очень важная – совершенствование инвестиционного климата. Его почему-то ставят во главу угла, когда говорят о необходимости начать процесс реиндустриализации. Прежде всего педалируется установка на создание благоприятных условий только для потенциальных инвесторов: снижение налогового бремени, гипертрофированные надежды на прямые иностранные инвестиции и малый бизнес.

Разумеется, благоприятные условия для инвесторов необходимы, но для решения задач реиндустриализации российской экономики явно недостаточны. Постоянно идет разговор о снижении налогового бремени для потенциальных инвесторов как об основном драйвере экономического роста. Я убежден, что это далеко не так. Исследования последних лет, в том числе таких гуру современной экономической науки, как Пол Кругман или Джозеф Стиглиц, доказывают эмпирически, что излишнее неравенство не способствует, а вредит росту. У нас скандальное неравенство. И если оно будет усиливаться, то проблема справедливости или несправедливости превратится из этической в реальную проблему «закупорки» роста, потому что сужение среднего класса неизбежно ведет к снижению покупательной способности.

Здесь уместно отметить, что с этим начинают соглашаться даже такие «последовательные рыночники», как Владимир Мау и Алексей Улюкаев, заметившие в своей статье, что «...исследования последнего десятилетия показывают, что поляризация в развитых обществах усилилась и стала фактором торможения экономического роста»[1].

Надежды на прямые иностранные инвестиции как на «палочку-выручалочку» также сомнительны. Даже при идеальном климате их не будет, если не будет собственных инвестиций. Прямые иностранные инвести-

ции в Россию направлены туда, где возникает быстрая и большая прибыль – в сырьевые отрасли и пищевую промышленность. В условиях санкций ситуация с иностранными инвестициями ухудшается.

Про малый бизнес постоянно говорят, что нужно достигать западных стандартов, т.е. 60–70% ВВП, а у нас – 20%. Между тем наш малый бизнес очень развит, очень эффективен и очень организован. А не дает он 70% ВВП потому, что нет большого индустриального бизнеса, который, в отличие от топливно-сырьевого, как раз и нуждается в малых предприятиях.

Если бы у нас были крупные корпорации, выпускающие готовую продукцию, то тогда естественным образом возникло бы множество малых и средних предприятий, которые производили бы для них узлы и детали. Так что никакое «одно окно», придуманное для инициации малой деятельности, ничему не поможет. Так, в строительстве и в сфере услуг малый бизнес существует и очень мощно работает без всякого «окна». Нельзя же серьезно думать, что молодые бизнесмены «лежат на печи» и ждут, пока Министерство экономического развития создаст им благоприятные условия. Когда предприниматели видят, что их продукция продается, они справляются и с нашим неправовым сознанием, и с любыми административными барьерами.

Шестая позиция – прекращение роста заработной платы из-за якобы систематического повышения производительности труда. Этот пункт особенно прижился в «Стратегии-2020». Однако, во-первых, если, как в старину, просто соотносить долю заработной платы с валовым внутренним продуктом, т.е. устанавливать норму эксплуатации, то она у нас в два раза выше, чем в развитых странах. Во-вторых, наша средняя заработная плата – это «средняя температура по больнице». У нас менеджеры получают не в 10–15, а в тысячу раз больше, чем трудящиеся. Поэтому неправомерно говорить о производительности труда шахтера, который не имеет отношения к оборудованию. К оборудованию имеют отношение менеджеры, и если они его не меняют, то можно сколь угодно понижать или повышать заработную плату шахтерам – ничего при этом не изменится.

Седьмая позиция – важный «водораздел», проходящий по линии так называемых системных реформ. Утверждается, что мы стали их резво проводить в начале нулевых годов, а потом будто бы все прекратили, и стало плохо. Что такое системная реформа? На нормальном русском языке – это коммерциализация или установка на самоокупаемость «всего и вся», в том числе максимальное самофинансирование науки, образования, культуры и здравоохранения. Как видно, сегодня этот курс так или иначе реализуется, что абсолютно контрпродуктивно как для страны в целом, так и для реиндустриализации ее экономики в частности.

Восьмая позиция – вредоносность «государства всеобщего благоденствия». С гордостью утверждается, что плоская шкала налогообложения – абсолютное благо. Завидует весь мир. (Да здравствует мученик, наш новый русский Жерар Депардьё!) Далее следует вывод: чем слабее перераспределение первичных доходов, тем лучше для экономической активности и роста. Я уже говорил о том, что в действительности происходит ровно наоборот.

Наконец, даже те, кто соглашается с нами в том, что государственная активность должна иметь приоритет, особенно когда экономика вяло развивается во всем мире, сначала отдают предпочтение ректификации госаппарата, а потом уже промышленной политике. Однако в данном случае не может быть никакой иерархии. Необходимо проводить промышленную политику и реиндустриализацию с тем аппаратом, который есть, и он сам будет улучшаться по мере изменения содержания его работы.

Концепция экономической социодинамики спасает рыночную теорию

Рынок как способ устройства хозяйственной жизни не имеет альтернативы, его жизнеспособность не подвергается сомнению, но его «невидимая рука» с очевидностью должна быть дополнена «видимой рукой» государства. Сегодня из глобального финансового кризиса практически все государства мира пытаются выйти именно путем активного вмешательства в хозяйственную жизнь. Свидетельством этому являются и накачка ликвидностью финансовой системы, и частичная национализация попавших в сложное положение предприятий и компаний, наблюдаемые практически во всех странах мира. По иронии судьбы, как раз американцы, призывавшие всех к свободному рынку, едва ли не первые вынужденно прибегли к фактически социалистическим мерам.

Упоение «свободной» экономикой прошло, мир устал от радикального, безудержного либерализма. Ему на смену идет система, еще не получившая своего «изма». Пока же очевидно, что без мощной и систематической государственной активности теперь уже не обойтись. У «нового капитализма» будут свои проблемы, возможно, не менее серьезные, чем у «старого». При этом надо иметь в виду отсутствие ясных критериев участия или неучастия государства в хозяйственной жизни общества. Так что мир вполне может впасть в другую крайность – гипертрофированное, ненормальное обобществление в комбинации с порочным протекционизмом.

К числу наиболее приоритетных проблем следует отнести текущий кризис, который, разумеется, приходит на ум в первую очередь,

также догматизм, ответственный за многие бедствия отдельных стран и всего мира в последние десятилетия. Но центральной нерешенной проблемой я назвал бы режим взаимоотношений государственных институтов и частного предпринимательства, государства и рынка. От ее понимания и толкования и, в конце концов, от манипулирования ею так или иначе зависят остальные важнейшие проблемы современной экономики и их решение.

Системный кризис лишь усугубляется тем, что его в очередной раз пытаются преодолеть или излечиться от него теми же старыми способами, какие применялись уже много-много лет с все меньшим успехом. Но, хотим мы того или нет, говорить теперь надо не о том, каким образом капиталистическая система сможет, залечив новые раны, существовать дальше «в прежнем режиме», а о том, что придет ей на смену.

Последние события в мировой экономике убедительно показывают, что взаимоотношения государства и рынка на деле гораздо сложнее, чем простое «взаимодействие». Выход из кризиса потребует формирования нового понимания, развития новой модели экономики, в частности, новой модели государственного регулирования, новых теоретических обоснований. Речь идет о новом фундаменте, о принципиально новой модели, адекватно отражающей современные социально-экономические реалии.

Надеюсь, этому могла бы способствовать разрабатываемая мною совместно с профессором А.Я. Рубинштейном Концепция экономической социодинамики (КЭС) [2; 3]. Смысл ее сводится к признанию существования наряду с частными предпочтениями общественных интересов, которые не сводятся к ним. Если частные предпочтения индивидов выявляет рынок, то предпочтения общества в стихийном процессе саморегулирования не обнаруживаются: они определяются политической системой и общественными институтами. Очевидно, что интересы, выявляемые политической системой, не могут быть сведены к предпочтениям индивидуумов, выявляемым рыночным путем. При этом каждая ветвь общественных интересов претендует на определенный объем ресурсов, необходимых для их реализации. Формируемые по разным законам и в различных институциональных средах эти интересы вступают в состязание лишь на стадии их реализации – в борьбе за обладание ограниченными ресурсами.

Суть концепции как раз и заключается в возможности гармонизации социальных интересов и индивидуальных предпочтений. Государство как исполнительная власть само является рыночным субъектом, чье поведение определяется его специфическими интересами и имеющимися ресурсами. Существуют обычные рыночные игроки, располагающие собственными ресурсами и действующие по правилам, устанавливаемым государством. Но есть государственные струк-

туры, которые, используя общественные ресурсы, действуют по правилам, которые само же государство, как законодательная власть и установило. Таким образом, концепция экономической социодинамики предлагает совершенно новую трактовку понятия «смешанная экономика», отнюдь не сужая, а наоборот, расширяя сферу действия механизмов рынка, «оттеняя» совместимость частной инициативы и государственной активности.

Экономическая социодинамика – не просто теоретическая конструкция. Она является практической основой для деятельности государства, связанной, в частности, с финансированием социальной сферы. Сегодня она вполне способна дать ответ на многие актуальные вопросы хозяйственной жизни страны. В КЭС ключевой категорией служит «социальная полезность» блага, которая обосновывает объективную необходимость не спорадического, а систематического общественного финансирования культуры, науки, здравоохранения, образования.

Современная же экономика России – рыночная, но асоциальная – ориентирована на сиюминутную прибыль при практически полном забвении и игнорировании общественного интереса.

Есть множество жизненно необходимых обществу благ, которые рынку не интересны – они не дают немедленной прибыли. Но и здорового общества без них не бывает. Наука, образование, культура, здравоохранение – это те основные сферы, которые должно опекать и в значительной мере финансировать государство, – больше никому. Только оно способно создать порядок, при котором работающий поддерживает безработного, здоровый – больного, молодой – старого. При советской власти доминировал, как выяснилось, очень утопический лозунг: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Но лозунг сегодняшнего дня: «Думай только о себе» – социальной стабильности и экономической модернизации отнюдь не способствует.

Концепция экономической социодинамики коренным образом меняет понятие «государственная активность». На место «государственного вмешательства» приходит равноправное участие государства в хозяйственной жизни страны, а место столь негативного «бюджетного бремени» занимают социально обоснованные и целесообразные государственные расходы на реализацию общественных интересов, инвестиции в человеческий капитал.

Что впереди?

Основными факторами текущей стагнации российской экономики являются: 1) так называемая инвестиционная пауза, связанная с завершением ранее начатых мегапроектов (Олимпиада, Универсиада, остров Русский); 2) снижение мировых цен на нефть; 3) западные

санкции. В этих суровых условиях инициирование и реализация государством структурной политики и массированного финансирования инфраструктурных проектов – безальтернативный императив. В России есть промышленные анклавы, которые еще способны приблизиться по эффективности и капиталу к зарубежным аналогам. И надо сосредоточить внимание именно на таких отраслях.

При этом необходимо определиться с критериями расстановки приоритетов. Заметим, что совершенного и не зависящего от субъективных устремлений механизма определения приоритетов структурной перестройки экономики не существует. Как нет «совершенного» рынка, обеспечивающего оптимальную аллокацию ресурсов, так нет и идеального, «научно обоснованного» государственного механизма выявления потребностей общества в той или иной структуре экономики. Однако, чем демократичнее общество, тем при прочих равных условиях быстрее будет замечена ошибка в расстановке приоритетов.

Далее, в приоритеты структурной политики следует закладывать те направления развития, по которым Россия еще сохраняет конкурентные преимущества – реальные или теперь уже в большей мере потенциальные. Это в целом подлежит тщательному системному изучению с участием научных коллективов, включающих представителей экономических и естественных дисциплин.

Кроме того, определение приоритетов современной промышленной политики должно носить не отраслевой, а межотраслевой характер. Такие проекты обычно характеризуются высокой степенью затратности, большими инвестиционными рисками и длительным производственным циклом. Иначе говоря, они не могут быть осуществлены без систематической господдержки из-за «слабых рыночных стимулов». Нужно только помнить, что именно способность производить подобные системы удерживает ту или иную страну в ряду ведущих мировых индустриальных держав.

Однако чтобы попасть в этот ряд, необходимо, на мой взгляд, выполнение трех базовых условий. Первое условие – отказ от демонизации роли государства в экономике. Необходимо понять, что дискуссии об уместности или неуместности государственных инвестиционных проектов лежат за пределами современной научной экономической мысли, и надо прекратить в этой связи запугивать себя так называемым государственным капитализмом. В свое время подобная демонизация рыночных механизмов, когда объективной необходимости их всемерного развития противопоставлялась не экономическая реальность, а идеологема об их несовместимости с сохранением чистоты «социалистических» принципов примата так называемой общественной (а по сути государственной) собственности на средства производства, дорого обошлась советской экономике. Стоит ли

сегодня повторять ту же ошибку с теми же последствиями, апеллируя не к сложившейся экономической реальности, а к невозможности поступиться принципами теперь уже «чистоты рынка»? Дискуссии в этой области должны вестись лишь в отношении оценки экономической эффективности предлагаемых к реализации проектов и механизмов контроля целевого использования инвестиций.

Второе условие – радикальное изменение денежно-кредитной политики для финансового обеспечения инвестиционного маневра. Суть этого маневра выходит за пределы данной статьи. Здесь следует лишь напомнить опыт кризиса 2009 г. Финансовая «подушка безопасности» действительно позволяла в течение определенного времени не допустить «обвала» финансовой системы и социальных показателей. Однако она не смогла предотвратить обвального падения производства. Именно отсталость перерабатывающих производств не позволила в 2009 г. компенсировать падение внешнего спроса на энергосырьевые товары увеличением внутреннего, как это произошло, например, в Китае, где стимулирование данного спроса увеличило его в кризисном году почти на 15%. Это позволило обеспечить более чем 9%-й прирост ВВП.

Третье базовое условие заключается в следующем. В силу объективно существующих ограничений государственные проекты могут обеспечить технологические прорывы пусть в очень важных, но лишь отдельных сегментах национального хозяйства. Государство должно выполнить исключительно важную роль задания мощного первоначального инвестиционного импульса модернизации. Обязательным условием ее успешности является активное участие в этом процессе частнопредпринимательского сектора, который должен «подхватить» и развить этот первоначальный импульс, что требует применения механизмов государственно-частного партнерства.

Однако такого рода партнерство должно опираться не на волевые усилия со стороны государственной власти, а на экономическую заинтересованность в нем некой критической массы предпринимательского слоя. Без этого усилия государства либо дадут крайне ограниченные результаты для национальной экономики, либо будут использованы зарубежными конкурентами. К сожалению, такого рода интереса у российских предпринимателей сегодня, как правило, нет. А дело в том, что главным инструментом конкурентной борьбы для отечественных предпринимателей является не технологическая и организационная модернизация, а «крыша» со стороны человека, занимающего ту или иную «государеву должность». На это указывают и сами предприниматели и признают высшие должностные лица государства.

Дефекты современной экономики России во многом приобрели системный характер. Но это не значит, что их нельзя преодолеть. Вот

и противники промышленной политики, сторонники так называемого радикально-либерального направления экономической мысли справедливо отмечают, что имеется вполне достаточно отрицательных примеров такой политики. Однако это как раз тот случай, когда уместно привести следующее изречение Бертольда Брехта: «если вы боретесь, вы можете проиграть, но если вы не боретесь, вы уже проиграли». Риски, конечно, существуют, но сложно представить себе экономическую деятельность без рисков вообще. Ясно одно – страны, которые действительно совершили экономический прорыв и превратились из развивающихся в развитые, сделали это исключительно с помощью успешной промышленной политики.

Литература

1. *Мау В., Улюкаев А.* Контуры новой экономической политики. Ведомости // 26.01.2015.
2. *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. М.: ИЭ РАН, 2008.
3. *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Индивидуум & Государство: экономическая дилемма. М.: Весь Мир, 2013.

R.S. GRINBERG

Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, director of the Institute of economics of the Russian Academy of Sciences

ECONOMY OF MODERN RUSSIA: STATE, ISSUES, PROSPECTS

The paper distinguishes the nature of the high social price of market transformations and the reason of the domestic economy periodic sliding during crises. The main indicators of Russia's economic development for nearly a quarter of the century of reforms are investigated. The author drew a conclusion that the Right-wing liberal radical option of transformation was insolvent. The new understanding of realities and recomprehension of the current economic policy model is required. A relevance of the Concept of economic social dynamics as an alternative to ideology of market fundamentalism is substantiated.

Keywords: *social and economic system, system transformation, import substitution, economic social dynamics.*
JEL: A130, H400, O100.